

О НЕУДАЧНОМЪ СОЕДИНЕНІИ НАУЧНАГО КРИТИЦИЗМА СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ТОЧКОЮ ЗРѢНІЯ.

(Отвѣтъ проф. Дроздову).

„Въ своей работѣ я стремился соединить научный критицизмъ съ православной точкой зрѣнія“ (проф. Дроздовъ въ трудахъ К. Д. Ак. 1902. Ноябрь. Стр. 488).

Въ 1901 году появилось изслѣдованіе проф. Дроздова „О происхожденіи книги Товита“. Въ немъ авторъ старается доказать, что означенная неканоническая книга имѣетъ характеръ „вполнѣ достовѣрнаго историческаго повѣствованія о дѣйствительныхъ лицахъ и событіяхъ“ и написана была (первыя 13 главъ) самимъ Товитомъ, а закончена (глава 14-я) и обработана близкимъ къ нему человѣкомъ еще до разрушенія храма Соломонова. Въ майской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за текущій годъ, подвергнувъ разбору главные аргументы автора, я высказалъ сомнѣніе въ научности самыхъ существенныхъ результатовъ его изслѣдованія и причину, почему авторъ сталъ на сторону взглядовъ, уже устарѣвшихъ и принятыхъ лишь католическими богословами, признающими книгу Товита за каноническую, указалъ въ недостаткѣ научнаго критицизма у автора и въ преувеличенной привязанности его къ древнимъ традиціямъ, не имѣющимъ ни научнаго значенія, ни догматической важности. На мой отзывъ проф. Дроздовъ отвѣтилъ статьей: „Въ защиту свободнаго научнаго изслѣдованія въ области библиологій“, помѣщенной въ трудахъ К. Д. Ак. (1902 г. Октябрь и Ноябрь). Авторъ этой статьи сначала прикро-

венно говорить о „чрезмѣрномъ увлеченіи протестантской литературой“ въ Россіи, а потомъ, высказавъ ставшую шаблонною жалобу, что „мы, русскіе, отличаемся особымъ пристрастіемъ ко всему не русскому и невниманіемъ или пренебреженіемъ къ своему, національному“, онъ уже безъ обиняковъ говоритъ, что онъ въ своемъ изслѣдованіи, какъ и слѣдуетъ православному богослову „имѣетъ въ виду не только научныя требованія, но и православную точку зрѣнія“ (стр. 317), „упускаемую изъ вниманія нѣкоторыми изъ нашихъ богослововъ“, и что наоборотъ рецензентъ его книги, т. е. я, „принимая безъ надлѣжащей критической повѣрки господствующія въ протестантской библіологической литературѣ воззрѣнія за несомнѣнныя научныя истины“ (стр. 318), страдаетъ „преувеличенною привязанностью къ воззрѣніямъ протестантскихъ „ученыхъ“ (стр. 489), „забвеніемъ православной точки зрѣнія на предметъ“ (ibid), „всецѣлымъ примыканіемъ къ сужденіямъ протестантскихъ ученыхъ“ (стр. 486).

Хотя мнѣ не совсѣмъ понятно, почему автору вздумалось выступить въ защиту свободнаго и научнаго изслѣдованія именно противъ протестантствующихъ ученыхъ, всего болѣе ратующихъ за свободу и научность всякаго изслѣдованія, тѣмъ не менѣе намѣреніе автора стать защитникомъ православія, выразителемъ православной точки зрѣнія на предметъ, да еще подъ флагомъ свободнаго научнаго изслѣдованія, заслуживаетъ, по моему, всяческой похвалы. Мнѣ совершенно понятны и добрыя побужденія автора, заставившія его находить въ лицахъ, несогласныхъ съ его воззрѣніями, отголоски протестантства. Многое поймешь, многое простишь. По этой самой причинѣ меня нисколько не оскорбляютъ направленные на меня обвиненія автора въ увлеченіи протестантскими воззрѣніями. Есть, положимъ, и еще причины, помимо ревности автора о православіи, которыя дѣлаютъ меня совершенно равнодушнымъ къ его упрекамъ. Первая изъ нихъ та, что означеннымъ обвиненіямъ я подлежу на ряду съ такими и учеными и церковными авторитетами, какъ Филаретъ, м. Московскій, и Арсеній, м. Кіевскій. Вотъ что говоритъ объ историческомъ характерѣ книги Товита митрополитъ Филаретъ (Чтенія О. Л. Д. Пр. 1876, I, стр. 272—273).

Недоумѣнія, какія встрѣчаются въ сей книгѣ, не мало-важны:

1) Ангель Рафаиль, облеченный человѣческой плотію, обманывается, что онъ израильтянинъ, и далеко путешествуетъ съ Товіею;

2) Асмодей или діаволь убиваетъ семь мужей Сарры, изгоняется дымомъ сожигаемыхъ внутренностей рыбы и въ вышнемъ Египтѣ связывается узами;

3) Пометь врабьевъ падаетъ вдругъ на оба глаза старца и ослѣпленному возвращается зрѣніе посредствомъ рыбной желчи;

4) Товитъ и Сарра въ одно и тоже время испрашиваютъ у Бога смерти и въ одно и тоже время получаютъ помощь отъ Рафаила;

5) Мидійскій городъ Рага или Раги, по Страбону, построенъ Селевкомъ Никаторомъ (послѣ 300 года предъ Р.Хр.). Наконецъ

6) Товитъ представляется плѣненнымъ отъ Салманассара, между тѣмъ какъ колѣно Неофалимово плѣнено было уже Оглафелласаромъ.

Рѣшеніе оныхъ. Сіи недоумѣнія заставляютъ многихъ новѣйшихъ толкователей видѣть въ исторіи Товита притчу, которая учитъ, что Богъ слышитъ молитвы праведниковъ, сражаемыхъ бѣдствіями. Сію послѣднюю мысль утверждаетъ и Рафаиль ясными словами XII, 15. Другіе думаютъ, что главные предметы имѣютъ основаніемъ своимъ историческую истину, а встрѣчающіяся странныя происшествія, или изъясняютъ тѣмъ, что исторія могла получать нѣкоторыя прибавленія въ устномъ преданіи, или такъ изъяснена и украшена самимъ сочинителемъ. Тѣ, которые всю исторію причисляютъ къ истиннымъ повѣствованіямъ, всѣ недоумѣнія думаютъ разрѣшить однимъ словомъ, что это были чудеса.

Почти въ тѣхъ же словахъ выражается о книгѣ Товита и Арсеній, м. Кіевскій. Не приходя къ категорическому выводу, оба богослова, очевидно, не принадлежатъ къ числу лицъ, „думающихъ всѣ недоумѣнія разрѣшить однимъ словомъ, что это были чудеса“, и сомнѣваются въ исторической достовѣрности книги ¹⁾. И я въ своемъ отзывѣ, не рѣ-

¹⁾ Введеніе въ Св. книги Ветхаго Завета. Стр. 172—173.

²⁾ Говоря о затрудненіяхъ въ книгѣ Юдиень, м. Филаретъ прямо называетъ ихъ „неразрѣшимыми“. Читенія—стр. 276.

шая вопроса положительно, выясняя лишь, что автору не удалось устранить встрѣчающіяся въ книгѣ Товита затрудненія. Итакъ упреки въ протестантизмъ, направленные авторомъ на меня, въ одинаковой степени относятся и къ такимъ отечественнымъ авторитетамъ, какъ Филаретъ, м. Московскій, и Арсеній, м. Кіевскій.

Правда взгляды этихъ богослововъ не встрѣчены авторомъ съ подобающимъ имъ уваженіемъ. На 3—4 стр. своего изслѣдованія онъ говоритъ:

Въ русской богословской литературѣ нѣтъ, насколько намъ извѣстно, ни одного труда, посвященнаго научному изслѣдованію этой книги и критическому разбору мнѣній, высказанныхъ относительно ея западными богословами, и непробвенная безпристрастною критикою и не освѣщенная православною точкою зрѣнія мнѣнія западныхъ богословахъ находятъ отраженіе въ нашей богословской литературѣ. На русскомъ языкѣ существуетъ лишь одинъ краткій „Очеркъ о книгѣ Товита“ священника Г. П. Смирнова-Платонова, не имѣющій характера самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, но составленный по извѣстному руководству Фрицше, хотя и чуждый тѣхъ рационалистическихъ крайностей, которыя встрѣчаются въ этомъ руководствѣ. Тѣмъ болѣе не могутъ быть признаны самостоятельными и соответствующими современнымъ научнымъ требованіямъ трактатъ о книгѣ Товита въ академическихъ лекціяхъ Филарета, м. Московскаго, и тождественный съ этимъ по содержанію и по формѣ выраженія трактатъ въ лекціяхъ Арсенія, м. Кіевскаго.

Въ послѣднемъ я не согласенъ съ авторомъ. Маленькій трактатъ м. Филарета я считаю болѣе соответствующимъ современнымъ научнымъ требованіямъ, чѣмъ выводы можетъ быть и свободнаго, но едвали научнаго изслѣдованія проф. Дроздова. Подробнѣе объ этомъ ниже.

Вторая причина, почему я равнодушенъ къ обвиненію автора, это та, что самое обвиненіе, по существу своему, есть плодъ недоразумѣнія и имѣетъ своимъ источникомъ ту „неопредѣленность и шаткость“ во взглядахъ автора на неканоническія книги, которая отмѣчена была нами въ его изслѣдованіи, и которая имѣетъ мѣсто въ его „Защитѣ“.

По мнѣнію автора, помѣщеніе книги Товита вмѣстѣ съ другими неканоническими книгами въ составъ бібліи у

древнихъ христіанъ и богослужебное употребленіе ея въ нѣкоторыхъ церквахъ—показываетъ, что „она ставилась христіанами съ самыхъ древнихъ временъ болѣе или менѣе на одинъ уровень съ прочими книгами св. писанія и слѣдовательно признавалась чуждою какихъ либо вымысловъ или извращеній истины“ (стр. 263—264). Также отцы и учителя церкви признавали въ полномъ объемѣ буквальную, историческую достовѣрность книги Товита, пользуясь ею наравнѣ съ другими книгами св. Писанія для цѣлей назиданія. Со времени Августина въ западной церкви она стала считаться книгою каноническою. Взглядъ на книгу Товита измѣнился на западѣ со времени Лютера, который, причисливъ ее къ человѣческимъ произведеніямъ „назидательнаго характера и полезнымъ для чтенія“, „тѣмъ самымъ допустилъ въ ней возможность намѣренныхъ и ненамѣренныхъ уклоненій отъ истины и дѣйствительности“ (стр. 271). Вслѣдъ за нимъ рационалисты, отвергнувъ божественное откровеніе, возможность чудесъ и значеніе преданія іудейской и христіанской церкви, признали необходимымъ руководиться въ сужденіяхъ о каноническихъ и неканоническихъ книгахъ св. Писанія исключительно научной критикой, направленной къ разрушенію церковнаго преданія и вѣры въ откровеніе. *Поэтому* среди протестантовъ и рационалистовъ возникли воззрѣнія, отрицающія историческій характеръ книги Товита (ср. стр. 272—273). Вліяніе отрицательной критики отразилось и на сужденіяхъ многихъ католическихъ богослововъ. Напр. Янъ, указавъ рядъ затрудненій къ признанію исторической достовѣрности книги Товита и перечисливъ различные способы ихъ разрѣшенія у ученыхъ, говоритъ, что онъ не считаетъ нужнымъ вмѣшиваться въ эти споры и предоставляетъ рѣшеніе ихъ читателю, явно склоняясь къ признанію указанныхъ имъ попытокъ разрѣшенія несостоятельными (стр. 285—286). Эти затрудненія указаны и въ лекціяхъ Филарета, м. Московскаго, и Арсенія, м. Кіевскаго. Оба они не говорятъ, какъ слѣдуетъ рѣшать ихъ (стр. 286). Авторитетъ древней церкви служить главнымъ основаніемъ для автора къ признанію историческаго характера книги Товита (стр. 289. 528).

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ автора, изложенныхъ по возможности его же словами, нельзя не замѣтить стремле-

нія ставить въ связь истинную православную точку зрѣнія съ признаніемъ исторической достовѣрности книги Товита и отрицаніе ея съ рационализмомъ, съ невѣріемъ въ откровеніе и чудо. Поэтому я въ своемъ отзывѣ писалъ:

приведенныя нами сужденія автора страдаютъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторою неопредѣленностью, шаткостью и предвзятостью. Авторъ, конечно, прекрасно знаетъ, что помѣщать неканоническія книги рядомъ съ каноническими и пользоваться цитатами изъ нихъ на ряду съ цитатами изъ каноническихъ писаній не значитъ еще ставить тѣ и другія болѣе или менѣе на одинъ уровень... Если у нѣкоторыхъ немногихъ церковныхъ писателей, не имѣвшихъ возможности точнѣе ознакомиться съ составомъ еврейскаго канона, и были попытки приравнивать книгу Товита къ книгамъ каноническимъ, то древняя восточная церковь въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей смотрѣла на нихъ, какъ на отступленія отъ истины, считая каноническими лишь книги, входившія въ составъ еврейскаго канона. Но отрицаніе каноническаго достоинства книги есть отрицаніе ея боговдохновенности. Отсюда, какъ бы ни было велико уваженіе церкви къ неканоническимъ книгамъ, между ними и писаніями каноническими всегда останется цѣлая пропасть, какъ между писаніями боговдохновенными и человѣческими, хотя полезными, произведеніями. Какъ небоговдохновенная, неканоническая книга можетъ быть не чужда ошибокъ и заблужденій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ автору. Отсюда, церковь, признавая нравственно-практическую пользу употребленія и чтенія неканонической книги, предоставляетъ одѣвку ея съ исторической стороны всецѣло наукѣ; она не беретъ, такъ сказать, подъ свою отвѣтственность автора ея, какъ это дѣлаетъ она съ боговдохновенными писателями. Если въ изученіи каноническихъ книгъ научный критицизмъ долженъ ограничиваться признаніемъ боговдохновенности ихъ, то въ изслѣдованіи неканонической письменности этихъ границъ церковь не налагаетъ.

Этими строками я хотѣлъ сказать, что православный ученый имѣетъ право примѣнять къ неканоническимъ книгамъ всѣ приемы научнаго критицизма—съ одной стороны, и что мнѣнія нѣкоторыхъ отцевъ и учителей церкви относительно историческаго характера книги Товита, какъ принадлежа-

щія къ сферѣ чисто научной, не вытекающія изъ обязательныхъ началъ христіанской вѣры, не должны стѣснять научной критики, какъ не стѣсняютъ они научныхъ изслѣдованій въ области естествознанія, астрономіи, физики и т. д. Слѣдовательно нѣтъ ни малѣйшаго основанія видѣть влияние рационализма и въ отказѣ Яна дать объясненіе затрудненіямъ, находимымъ въ книгѣ Товитъ, и въ сомнѣніи относительно полной достовѣрности ея въ лекціяхъ мм. Филарета и Арсенія, а за ними и въ моемъ отзывѣ.

Слѣдовало бы ожидать, что въ моихъ разсужденіяхъ „защитникъ свободнаго научнаго изслѣдованія въ области библіологіи“ не найдетъ ничего несвободнаго и ненаучнаго. На самомъ же дѣлѣ не такъ. Онъ пишетъ (стр. 329—330):

Рецензентъ крайне преувеличиваетъ различіе между книгами каноническими и неканоническими. Что въ дѣйствительности оно не такъ велико, это видно изъ того, что христіанская церковь *всегда* выдѣляла и *доселѣ* выдѣляетъ неканоническія книги изъ ряда другихъ человѣческихъ произведеній, включая ихъ въ библейскій кодексъ, и признавая неизмѣнною частью Св. Писанія, и ставала ихъ по авторитету выше обыкновенныхъ человѣческихъ произведеній, признавая за ними „высокій, необычный для естественныхъ произведеній человѣческаго разума авторитетъ“¹⁾, что въ христіанской церкви въ теченіе многихъ вѣковъ не было общаго, строгаго разграниченія между неканоническими и каноническими книгами, что не „нѣкоторые только немногіе церковные писатели“, а многіе изъ отцовъ и учителей если не Восточной, то Западной церкви, приравнивали неканоническія книги къ каноническимъ, усвоивъ имъ на практикѣ въ употребленіи для нравоучительныхъ и даже вѣроучительныхъ цѣлей, одинаковый авторитетъ и значеніе, что въ Западной церкви неканоническія книги оффиціально были возведены на одинъ уровень съ каноническими задолго до раздѣленія церквей, то есть тогда, когда Западная церковь находилась еще въ единеніи съ Восточною, и что, наконецъ, православные богословы доселѣ еще колеблются въ причисленіи нѣкоторыхъ книгъ Св. Писанія къ каноническимъ или неканоническимъ.

¹⁾ Здѣсь ссылка на проф. П. Юнгера. Общее историко-крит. Введеніе стр. 132—133.

Внимательно прочитавъ эти строки, я готовъ признать въ авторѣ защитника свободнаго научнаго изслѣдованія въ области библиологіи Но съ другой стороны онъ пишетъ (486 стр.): . . .

Рецензентъ—всецѣло примыкаетъ къ сужденіямъ протестантскихъ ученыхъ, именно тѣхъ, которые „цѣлою пропастью“ отдѣляютъ неканоническія книги отъ каноническихъ и признаютъ книгу Товита заключающею въ себѣ противорелигіозное и противонравственное ученіе (очевидный обманъ въ словахъ ангела . . .), суевѣрія (изгнаніе демона запахомъ рыбы), умышленную ложь (описаніе совершившихся событій подъ видомъ пророчества Товита) и т. под. Для каждаго знакомаго съ дѣломъ ясно, что такого рода воззрѣніе находится въ *прямомъ противорѣчii* съ воззрѣніемъ христіанской церкви и *всѣхъ* отцовъ и учителей церкви.

Въ этихъ тирадахъ автора почти каждое выраженіе составляетъ или неточность, или искаженіе фактовъ. Но за недостаткомъ мѣста остановимся на томъ лишь, что имѣетъ существенное значеніе. Правда, что церковь выдѣляла и выдѣляетъ неканоническія книги изъ ряда обыкновенныхъ человѣческихъ произведеній и ставила ихъ авторитетъ выше авторитета послѣднихъ; но это не значить, чтобы она перестала считать ихъ за произведенія человѣческаго ума, хотя и просвѣщеннаго вѣрою. И человѣческія произведенія имѣютъ различный авторитетъ. Отсюда между каноническими и неканоническими книгами будетъ всегда цѣлая пропасть какъ между словомъ Божіимъ и словомъ человѣческимъ, хотя и рекомендуемымъ церковью для назиданія. I. Дамаскинъ, сказавъ, что св. писатели каноническихъ книгъ „вѣщали Духомъ Святымъ“, прибавляетъ: „а книги называемыя Панаретъ—хотя книги назидательныя и добрыя, не входятъ въ число (боговдохновенныхъ писаній), и въ ковчегъ не хранились“. (Точное изложеніе прав. вѣры. Стр. 272). Относительно же книги Товита онъ совсѣмъ не упоминаетъ. Признаніе книги Товита книгою небоговдохновенною, хотя полезной и назидательной, было общимъ воззрѣніемъ восточныхъ отцевъ и учителей. Какъ слово не Божіе, а человѣческое, хотя и авторитетное, оно не исключаетъ возможности заблужденій и извращеній истины. II самъ авторъ признаетъ это, говоря („Защита“ стр. 327); что писатель книги

Товита, „какъ лишенный“ озаренія свыше, могъ искаженныя истины признавать за подлинныя, или подлинныя истины сохранившіяся въ преданіи и въ Св. Писаніи, ошибочно понимать и истолковывать“. Но для него важна невозможность заблужденій, а лишь дѣйствительныя заблужденія. На самомъ же дѣлѣ это то именно не важно въ рѣшеніи принципиальнаго вопроса. Возможны и несомнѣнно существуютъ человѣческія произведенія, чуждыя ошибокъ, напр. математическія, астрономическія, историческія и т. д. Но никто не подумаетъ ставить ихъ на одинъ болѣе или менѣе уровень съ писаніями боговдохновенными.

Авторъ ссылается на факты относительнаго и полнаго приравниванія неканоническихъ книгъ къ каноническимъ до отдѣленія западной церкви отъ восточной. Очевидно онъ склоненъ и въ нихъ видѣть не уклоненіе отъ истины, а выраженіе возрѣній древней церкви. Иначе зачѣмъ автору нужно было ссылаться на нихъ въ подтвержденіе того, что различіе между каноническими и неканоническими книгами не слишкомъ велико? Автору самому присуще, повидимому, стремленіе ставить болѣе или менѣе на одинъ уровень тѣ и другія книги. Только съ точки зрѣнія этого стремленія можетъ показаться „стоящимъ въ прямомъ противорѣчій съ возрѣніями христіанской церкви и всѣхъ отцевъ и учителей церкви“ признаніе въ книгѣ Товита очевиднаго обмана, суевѣрія и т. д. Только съ этой точки зрѣнія можно усматривать вліяніе рационализма и протестантства въ трудахъ русскихъ ученыхъ, сомнѣвающихся въ исторической достовѣрности книги Товита. На самомъ дѣлѣ, разъ признается въ неканоническихъ книгахъ возможность заблужденій не только въ историческихъ, но и религіозно-нравственныхъ вопросахъ (какъ признаетъ самъ авторъ), то указаніе этихъ заблужденій есть дѣло научнаго критицизма и ни въ какомъ случаѣ не можетъ стоять въ прямомъ противорѣчій съ возрѣніемъ христіанской церкви.

Итакъ направленное на меня обвиненіе автора въ забвеніи православной точки зрѣнія на книгу Товита и въ примыканіи къ возрѣніямъ протестантскихъ ученыхъ есть плодъ недоразумѣнія и имѣетъ своимъ источникомъ, какъ мы говорили въ отзывѣ, шаткость и неопредѣленность взглядовъ автора на неканоническія книги. Эта шаткость и неопредѣ-

ленность взглядовъ автора служить источникомъ самыхъ существенныхъ недостатковъ его изслѣдованія; она именно была причиною недостатка научнаго критицизма и преувеличенной привязанности къ древнимъ традиціямъ, не имѣющимъ ни научнаго значенія, ни догматической важности. Стремясь „соединить научный критицизмъ съ православной точкой зрѣнія“, авторъ поступаетъ такъ, что отъ него должны будутъ отречься и научный критицизмъ и православная точка зрѣнія. Его трудъ это апологія устарѣвшихъ теперь взглядовъ, уцѣлѣвшихъ по необходимости у католическихъ богослововъ.

Стремленіе автора приблизить авторитетъ неканоническихъ книгъ къ авторитету каноническихъ писаній выразилось прежде всего въ томъ, что онъ примѣняетъ одинаковый методъ изслѣдованія по отношенію къ тѣмъ и другимъ книгамъ. Ссылаясь на параллели, находимыя въ каноническихъ книгахъ, авторъ требуетъ отъ читателя такого же, какъ къ этимъ, довѣрія къ книгѣ Товита, и сомнѣніе въ послѣдней готовъ объявить за сомнѣніе въ боговдохновенныхъ писаніяхъ. Напримѣръ, отрицаніе чудесъ, рассказанныхъ въ книгѣ Товита, для него покоится на отрицаніи сверхъестественнаго и чудеснаго вообще (ср. стр. 362 — 363). Онъ не допускаетъ, чтобы авторъ говорилъ о совершившихся фактахъ подъ видомъ предсказанія о будущемъ. А между тѣмъ въ книгахъ неканоническихъ рассказывается и о такихъ чудесахъ, которыхъ не признаетъ и самъ авторъ, наприм. чудесное возстановленіе всего Св. Писанія Ездрую (3 Ездр. XIV), появленіе въ воздухѣ носившихся въ продолженіи сорока дней всадниковъ въ золотыхъ одеждахъ (2 Мак. V, 2—3) и подобныя (2 Макк. III, 25—26; X, 29—30; XI, 8—10). Арсеній, м. Кіевскій, говоритъ о третьей книгѣ Ездры: „ясныя пророчества въ ней объ І. Христѣ, какихъ нельзя сыскать у истинныхъ и несомнѣнныхъ пророковъ, убѣждаютъ въ той мысли, что писатель, по благочестивой, но дерзновенной ревности, превратилъ прошедшія событія въ предсказанія“ (Введ. стр. 189).

Но и при такомъ, недостаточно критичномъ отношеніи автора къ книгѣ Товита, ему не удастся параллелями изъ каноническихъ писаній устранить всѣ затрудненія къ признанію историческаго характера этой книги. Это было ука-

зано мною въ отзывѣ. Теперь въ своей „Защитѣ“ авторъ жалуется на то, что я мало обратилъ вниманія на выясненную имъ мнимость этихъ затрудненій, и снова подробно повторяетъ изложенные въ его изслѣдованіи доводы. Это налагаетъ на меня обязанность войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе тѣхъ изъ нихъ, о которыхъ въ отзывѣ моемъ было сказано кратко.

По поводу моего замѣчанія, что „не смотря на всѣ ухищренія толкователей, имъ не удастся устранить изъ словъ ангела Рафаила: („Я Азарія, сынъ Анаіи, изъ братьевъ твоихъ“—V, 13) элемента очевиднаго прямого обмана“, безпримѣрнаго въ каноническихъ книгахъ, авторъ пишетъ: „я не предполагалъ, чтобы кто либо изъ *православныхъ* богослововъ могъ придавать серіозное значеніе этому старому и давно выясненному рационалистическому (?) возраженію“ (стр. 464). Но къ какимъ богословамъ причисляетъ онъ Филарета, м. Московскаго, писавшаго: „недоразумѣнія, какія встрѣчаются въ сей книгѣ не маловажны: ангель Рафаиль—*обманываетъ*, что онъ израильянинъ“? Аналогичныхъ случаевъ въ каноническихъ книгахъ автору не удалось указать; да ихъ и нѣтъ. Въ своемъ изслѣдованіи онъ приводитъ лишь одинъ случай, когда ангель повидимому выдаетъ себя за человѣка. На вопросъ Маноя: „ты ли тотъ человѣкъ, который говорилъ съ сей женщиной“, ангель сказалъ: „я“ (Суд. XIII, 11). Но Маной спрашиваетъ ангела не о томъ кто онъ, а о томъ, онъ ли говорилъ съ его женой. Отсюда и отвѣтъ ангела подтверждалъ фактъ бесѣды его съ женою Маноя, а не человѣческое его свойство. Въ книгѣ же Товита ангель выдаетъ себя не только вообще за человѣка, а за опредѣленную, историческую личность. Обманъ очевидный и прямой.

Въ своемъ отзывѣ я высказалъ, что автору вслѣдъ за другими экзегетами не удалось разъяснить недоумѣнія, вызываемаго повѣствованіемъ книги Товита о любви демона Асмодея къ Саррѣ. Анализируя текстъ VI, 14, авторъ замѣчаетъ (стр. 132):

Въ 14 ст. въ А. (т. е. въ код. алекс. и ват.) прибавлены слова *би q̄līlī aštur* (можетъ быть на основаніи Быт. VI, 2. 4), не находящіяся въ В., Vulg., Chald. и Hebr. М. и не согласныя съ VI. 7 (по А) и III, 14, откуда видѣно, что де-

монь мучилъ (*ὄχλη*) Сарру и что она оставалась цѣломудренною.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Вульгата, халдейскій переводъ и текстъ Мюнстера плохіе свидѣтели въ пользу правильности чтенія синайскаго кодекса. Не говоря уже о родствѣ ихъ съ текстомъ синайской рукописи, они сами по себѣ заслуживаютъ мало вѣры. Въ Вульгатѣ самъ авторъ признаетъ тенденціозныя отступленія, съ цѣлью придать книгѣ возможно болѣе поучительный характеръ и устранить специфически іудейскія представленія (203—206). Въ частности онъ говоритъ (204—205): „въ Вульгатѣ опущены— слова Товіи о любви демона къ Саррѣ (VI, 14), какъ несогласныя съ понятіемъ о безплотныхъ духахъ или, можетъ быть, какъ могущія набрасывать невыгодную тѣнь на Сарру, являющуюся въ переводѣ блаж. Иеронима образцомъ благочестія“. Арамейскій переводъ и по автору (ср. стр. 228) представляетъ собою свободную переработку книги Товита въ духѣ мидрашей и примѣнительно къ возрѣніямъ позднѣйшаго іудейства. Здѣсь опущены напр. сообщенія о собацѣ, сопутствовавшей Рафаилу и Товіи, о печени рыбы и под. Текстъ Мюнстера, происхожденіе котораго относится къ IX—XIII вв., также составляетъ передѣлку книги въ эпоху талмудизма, отражающую позднѣйшія возрѣнія іудейства (237—242). Съ другой стороны чтенію двухъ древнѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ рукописей александрійской и ватиканской слѣдуютъ переводъ сирійскій и текстъ греческій, обозначенный у автора подъ С. Почему же авторъ считаетъ чтеніе *ὅτι φίλει ἀτίρ* „позднѣйшимъ дополненіемъ“? Потому, что оно несогласно по нему съ указаніями книги на то, что демонъ мучилъ Сарру, и что Сарра оставалась цѣломудренною. Причиненіе мученій Саррѣ, выразившееся въ убіеніи 7 ея мужей, не соединимо, говоритъ авторъ, съ любовью, хотя бы даже не чистою (стр. 390). Намъ нѣтъ нужды разъяснять читателю, какъ наивно это рассужденіе автора. Въ выраженіи „мучить демонъ“ авторъ видитъ указаніе на крайне мучительное, угнетенное душевное состояніе Сарры, доводившее ее до отчаянія и можетъ быть заставлявшее ее убивать своихъ мужей, подобное тому, какое причинялъ злой духъ Саулу (стр. 389). Но это лишь фантазіи автора. На такое состояніе Сарры въ книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго на-

мека. Текстъ книги даетъ ясное толкованіе означенному выше выраженію. Въ убійствѣ семи мужей, умерщвляемыхъ асмодеемъ, служанки обвиняли саму Сарру. Сарра, услышавъ это дотого опечалилась, что хотѣла лишиться себя жизни (ср. III, 7—10). Отсюда ясно, что демонъ доставлялъ страданія не непосредственно Саррѣ, и не лично ей; онъ мучилъ ее лишь тѣмъ, что, убивая мужей ея, навлекалъ на нее подозрѣніе въ убійствѣ. Въ VI, 14 прямо говорится, что демонъ не причинялъ никому зла, кромѣ приближающихся къ Саррѣ; еще яснѣе въ текстѣ синайскомъ: „ей не причинялъ зла (*аѡтѣр ѡѡж аѡжеі*), но если кто захочетъ приблизиться къ ней, того онъ умерщвляетъ“. Въ своей „Защитѣ“ авторъ говоритъ:

Рецензентъ, увлекшись отрицательной тенденціей, впалъ въ противорѣчіе не только съ содержаніемъ книги, но и съ самимъ собою, потому что едва ли кто можетъ признать если не то, что Асмодей любилъ Сарру, то по крайней мѣрѣ *непричиненіе зла* Асмодеемъ Саррѣ соединимымъ съ тѣмъ, что онъ мучилъ ее и лишилъ ее семи мужей, подвергнувши ее чрезъ это незаслуженнымъ укоризнамъ и безчестію“ (стр. 466).

Авторъ забываетъ, кажется, что мнимо-несоединимыя черты въ отношеніи демона къ Саррѣ: непричиненіе ей зла и мученіе (*ѡѡж аѡжеі* и *ѡѡжѣ*), не выдуманы мною, а взяты изъ текста книги. При сопоставленіи съ III, 7—10 онъ не только не противорѣчатъ другъ другу, но даютъ психологически вѣрную характеристику плотской любви, соединенной съ ревностью. Именно такая любовь способна мучить женщину, не причиняя вреда ей непосредственно, а нанося зло лицамъ, желающимъ обладать ею. Что касается ссылки автора на то, что Сарра оставалась цѣломудренною, то авторъ, я думаю, согласится самъ, что это не говоритъ еще противъ любви демона къ Саррѣ. Отъ любви до потери цѣломудрія слишкомъ большое разстояніе. Итакъ въ чтеніи александрийскаго и ватиканскаго кодексовъ столь же мало противорѣчія, какъ и въ чтеніи синайской рукописи. Какое же изъ нихъ вѣрнѣе? Основное правило критики текста таково: то чтеніе слѣдуетъ признавать первоначальнымъ, изъ котораго легче объяснить происхожденіе другого чтенія. Допустимъ теперь, что въ первоначальномъ текстѣ не было выраженія „ее любить демонъ“. Что могло вызвать въ пере-

водчикъ желаніе вставить столь рискованную во всѣхъ отношеніяхъ мысль? По словамъ автора, переводчикъ хотѣлъ объяснить ея слова „ей не дѣлалъ зла демонъ“ (Защита стр. 464). Но онъ забываетъ, что этихъ словъ въ текстѣ алекс. и ват. кодексовъ нѣтъ; они находятся лишь въ текстѣ синайскомъ, гдѣ нѣтъ словъ „ее любить демонъ“. Тамъ же стоитъ выраженіе „никому не причинялъ зла“. Это выраженіе не нуждалось ни въ какомъ объясненіи, тѣмъ болѣе въ столь смѣломъ въ историческомъ и догматическомъ отношеніи. Еслибы въ оригиналѣ алекс. и ват. кодексовъ стояло бы выраженіе „ей не причинялъ зла демонъ“, то переводчикъ ни въ какомъ случаѣ не замѣнилъ слова „ей“ словомъ „никому“: странно опускать то, для чего сдѣлано особое объясненіе. Наоборотъ нѣтъ ничего легче, какъ объяснить происхожденіе чтенія синайской рукописи изъ соображеній богословскихъ. Греческій переводчикъ или справщикъ, какъ бл. Иеронимъ по предположенію автора, устранилъ изъ текста мысль, несогласную съ библейскими представленіями.

Въ отзывѣ своемъ я писалъ: „*φιλεῖ ἀδελφῶν* составляетъ самыя естественный мотивъ для убійства Асмодеемъ семи мужей, прикасавшихся къ Саррѣ“. На самомъ дѣлѣ, Асмодей не причинялъ вреда самой Саррѣ, но находясь въ брачной комнатѣ (VI, 17), въ качествѣ третьяго лица (ср. VIII, 4) убивалъ всѣхъ прикасавшихся къ Саррѣ, какъ къ женщинѣ, и тѣмъ причинялъ ей страшныя муки. Какому мотиву болѣе всего соотвѣтствуетъ такой образъ дѣйствій? Конечно, плотской любви, соединенной съ ревностью. Любопытно, что арамейскій переводъ и текстъ Мюнстера говорятъ о куреніи сердцемъ рыбы „подъ одеждою Сарры“. Авторъ въ своей „Защитѣ“ замѣчаетъ (466 стр.):

Предоставляю самимъ читателямъ судить о томъ, насколько справедливо съ научной точки предпочитать заключенія, основывающіяся на „естественныхъ мотивахъ“, тѣмъ, которыя основываются на анализѣ текстовъ и содержанія книги.

Указанный мною мотивъ цѣликомъ взятъ изъ чтенія двухъ древнѣйшихъ кодексовъ. Каковы же мотивы по автору? Ихъ два: одного оказалось недостаточнымъ для объясненія факта. Демонъ былъ посланъ, по автору, для наказанія мужей за ихъ нечестіе и для испытанія Сарры. Оба

эти мотивы не имѣютъ основаній въ текстѣ и составляютъ измышленіе автора, покоящееся, какъ и многое другое, на анализѣ можетъ быть пустого мѣста между строками, но не самаго текста. О нечестіи семи мужей и наказаніи ихъ въ книгѣ ничего не говорится. Что Товія въ своей молитвѣ заявляетъ о томъ, что онъ беретъ жену не для удовлетворенія похоти, но поистинѣ (VIII, 7), это не значитъ еще, будто иначе ее брали первые мужья. Еслибы дѣло было лишь въ этомъ, то Товія избѣжалъ бы смерти и безъ помощи куренія сердцемъ рыбы. Однако истинныхъ чувствъ Товіи къ Саррѣ для его безопасности было мало. Что касается до *испытанія* Сарры, посланнаго ей отъ Бога, то и оно—мысль автора книги о происхожденіи книги Товита, но не автора книги Товита. Въ XII, 14 по синайскому кодексу, на что ссылается авторъ, стоитъ: *τότε ἀπέσταλκει ἐπὶ σὲ πειράσαι σε, καὶ ἔμα ἀπέσταλξεν με ὁ θεὸς ἰασασθαι καὶ Σάρρα τῆρ ῥέμφηρ σου.* Въ этихъ словахъ Рафаила, сказанныхъ Товиту, рѣчь объ испытаніи не *демономъ*, а *ангеломъ* и не *Сарры*, а *Товита*. Вотъ какъ анализируетъ текстъ нашъ авторъ!

Въ своемъ отзывѣ я писалъ:

Когда Товія, вошедши въ спальню новобрачной, покуривъ сердцемъ и печенью рыбы, демонъ, ощутивъ этотъ запахъ, убѣжалъ въ верхнія страны Египта, гдѣ и былъ связанъ ангеломъ (VIII, 2—3). Не смотря на всѣ усилія толкователей, и это повѣствованіе всегда будетъ говорить противъ исторической достовѣрности книги. Напрасно авторъ добавляетъ: „Товія покуривъ сердцемъ и печенью рыбы, присоединивъ къ этому вещественному средству молитву къ Богу (стр. 391). Ни о какой молитвѣ Товіи къ Богу, предшествовавшей изгнанію демона, въ текстѣ книги нѣтъ рѣчи. По книгѣ демона удаляетъ запахъ рыбы, осязуемый имъ (алекс. и ват.: *ὡσθρανθη τῆς ὀσμηῆς*, син.: *ἡ ὀσμηῆ ἐκόλυσεν*).

На это авторъ отвѣчаетъ (стр. 467—468):

Но я не *добавляю* только, а *подробно выясняю* чрезъ анализъ текста, что Товія и Сарра согласно съ наставленіемъ ангела (VI, 17—18), непосредственно послѣ возложенія указанныхъ частей рыбы на уголья и *до удаленія* демона *обри- тились съ молитвою* къ милосердому Богу о спасеніи или помилованіи ихъ, приведенною въ Тов. VIII, 5—7.

И здѣсь мы должны повторить то, что сказали объ ана-

лизѣ автора выше. Вотъ всѣ мѣста изъ книги Товита, относящіяся сюда. Пусть самъ читатель судить.

VI, 8. Онъ (ангелъ) отвѣчалъ, если кого мучить демонъ или злой духъ, то сердцемъ и печенью должно курить предъ мужчиной или женщиной, и болѣе уже не будетъ мучиться.

VI, 17—18. Когда ты войдешь въ брачную комнату, возьми курильницу, вложи въ нее сердца и печени рыбы и покурн; и демонъ ощутитъ запахъ и удалится, и не возвратится. Когда же тебѣ надобно будетъ приблизиться къ ней, то встаньте оба, воззовите къ милосердому Богу и Онъ спасетъ и помилуетъ васъ.

VIII, 2—4. Онъ же идя вспомнилъ слова Рафаила и взялъ курильницу, и положилъ сердце и печень рыбы и курилъ. Демонъ, ощутивъ запахъ, убѣжалъ въ верхнія страны Египта, и связалъ его Ангелъ. Когда они остались вдвоемъ въ комнатѣ, Товія всталъ съ постели и сказалъ: встань, сестра, и помолимся, чтобы Господь помиловалъ насъ.

Какъ видно, въ первомъ мѣстѣ совсѣмъ нѣтъ рѣчи о молитвѣ: демонъ изгоняется куреніемъ рыбныхъ сердца и печени. Въ двухъ послѣднихъ молитва имѣетъ мѣсто *по удаленіи* демона, а не до удаленія. Товія и Сарра молились по уходѣ демона, вставъ съ постели. Молитва о помилованіи, не заключающая въ себѣ никакого указанія на демона, ничего не доказываетъ; она могла имѣть мѣсто и независимо отъ присутствія демона, какъ всегда при заключеніи брачныхъ союзовъ (Ср. „Ты сотворилъ Адама и давъ ему помощницу Еву“ и д. ст. 6).

Въ своемъ отзывѣ въ примѣчаніи я поставилъ вопросъ: „въ надписи Саргона прямо сказано, что онъ переселилъ 27000 жителей Самаріи. Это не противорѣчитъ и 4 Цар. XVII, 11. Какимъ же образомъ могъ быть переселенъ Товитъ, происходившій изъ колѣна Неффалимова?“ Авторъ отвѣчаетъ на это (470):

Изъ 4 Цар. XVII, 5 — 6 и XVIII, 9—11 ясно видно, что осада и взятіе Самаріи сопровождалась нашествіемъ царя ассирійскаго на *всю землю израильскую* и что кромѣ жителей Самаріи были взяты въ плѣнъ также многіе другіе израильтяне, между которыми могъ быть такимъ образомъ и Товія.

Дѣло однако не такъ просто. Вотъ факты. Принадлежащій

къ колѣну Нефѳалимову Товитъ, по книгѣ его имени, былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Ниневію Энемессаромъ или Салманассаромъ, царемъ ассирійскимъ. При этомъ онъ замѣчаетъ: „когда я жилъ въ странѣ моей, въ землѣ израиля, будучи еще юношей, тогда *все колѣно Нефѳалима*, отца моего, находилось въ отпадении отъ дома Иерусалима“ (I, 4). По книгѣ же Царствъ (XV, 29) Феглаефелассаръ, царь ассирійскій (слѣдовательно еще ранѣе Салманассара, а тѣмъ болѣе Саргона) взялъ *всю землю Нефѳалимову* и переселилъ ихъ (т. е. жителей ея) въ Ассирію. Авторъ примиряетъ это несоотвѣтствіе ссылкой на Цар. XVII, 5—6. Но выраженіе „пошелъ на всю землю израильскую“ не значитъ: взялъ ее и переселилъ жителей ея. Да и положительно извѣстно, что Салманассару не удалось взять Самаріи; ее взялъ Саргонъ. Авторъ думаетъ, что Салманассаръ въ книгѣ Товита означаетъ Саргона, названнаго такъ или по ошибкѣ переписчика или дѣйствительно имѣвшаго два имени. Но для того и другого предположенія авторъ не имѣетъ никакихъ основаній. Имя Саргона не встрѣчается ни въ одномъ текстѣ книги Товита. Предположеніе же, что Саргонъ имѣлъ имя и Салманассара, не болѣе какъ дешевый способъ примиренія, плохо рекомендующій ученые приемы автора. Наконецъ, почему авторъ не хочетъ допустить ошибку въ оригиналѣ писателя книги Товита? Но и при предположеніяхъ автора не все обстоитъ благополучно. Книга царствъ вообще замѣчаетъ, что царь ассирійскій (разумѣется Саргонъ) взялъ Самарію и переселилъ израильтянъ въ Ассирію, не говоря, какія колѣна разумѣются здѣсь. Въ извѣстной же надписи Саргона ясно говорится о переселеніи только 27000 жителей Самаріи. Сверхъ того въ книгѣ Товита Энемессаръ или Салманассаръ названъ отцомъ Сеннахерима, бывшаго на самомъ дѣлѣ сыномъ Саргона. Отсюда видно, какъ много требуется натяжекъ и поправокъ для признанія полной исторической достовѣрности книги Товита.

По книгѣ Товита (VI, 2) Товія съ спутникомъ, совершивъ дневной переходъ, пришелъ къ Тигру и остановился тамъ на ночь. Я указалъ въ своемъ отзывѣ на неправдоподобность этого. Ниневія стояла на восточномъ берегу Тигра: путь же Товии въ Экбатаны лежалъ на юговостокъ, болѣе на востокъ, чѣмъ на югъ. Слѣдовательно, Товія долженъ былъ

удаляться отъ Тигра по мѣрѣ удаленія отъ Ниневіи. Авторъ думаетъ устранить затрудненіе, говоря, что Тигръ дѣлаетъ значительное уклоненіе къ востоку; кромѣ того спутники могли встрѣчать на пути много препятствій, напр. холмы, канавы, форпосты и под. (Защита стр. 472—473). Но въ томъ и дѣло, что путь въ Экбатаны лежалъ по отношенію къ линіи уклоненія, образуемой нижнимъ теченіемъ Тигра, подъ угломъ приблизительно въ 75 град.; слѣд. Товія одинаково долженъ былъ удаляться отъ Ниневіи и отъ Тигра. Неправдоподобно, чтобы совершивъ дневной переходъ, онъ нисколько не подвинулся впередъ, еслибы и дѣйствительно существовали эти воображаемыя препятствія.

Въ своемъ отзывѣ, слѣдуя методу автора, я указывалъ сначала возраженія ученыхъ противъ достовѣрности книги Товита, какъ они формулируются самими учеными, затѣмъ излагалъ рѣшенія ихъ у проф. Дроздова и наконецъ высказывалъ свое сужденіе объ этихъ рѣшеніяхъ. Такъ поступилъ я и при изложеніи довода ученыхъ въ пользу послѣднѣйшаго происхожденія книги Товита, довода, основывающагося на XIV, 4—5. Но автору угодно было почему то приписать этотъ доводъ и слова: „пророчество Товита всего естественнѣе понимать, какъ *vaticinium ex eventu* (то и другое взято изъ его книги, см. стр. 615), мнѣ. Вѣдь мои возраженія не предшествовали его диссертации. Сказавъ затѣмъ, что проф. Дроздовъ смотритъ иначе на дѣло, чѣмъ упомянутые ученые, я кратко изложилъ его взглядъ (стр. 161).

Онъ не только не видитъ въ приведенныхъ словахъ (XIV, 4—5) указанія на послѣднѣйшее происхожденіе книги Товита, но на нихъ главнымъ образомъ основываетъ свое мнѣніе о написаніи ея до плѣна. Указаніе на вѣчность второго храма, какъ и пророчество о возстановленіи Іерусалима на вѣчныя времена изъ сапфира, смарагда и дорогихъ камней (XIII, 16—18) говоритъ, по его мнѣнію, за то, что Іерусалимъ и храмъ разумѣются не вещественные, а духовные, обозначая собою вѣчное мессіанское царство. А выраженія: „построятъ Іерусалимъ великолѣпно“ и „домъ Божій—зданіе величественное“, показываютъ, что составитель книги Товита не зналъ того храма Зоровавеля, глядя на который современники плакали отъ огорченія.

Проф. Дроздовъ не доволенъ такимъ изложеніемъ его

мнѣнія. Во первыхъ, я опустилъ его мысль, что въ словахъ Товита содержится не его пророчество, но пророчества бывшія прежде. И воторыхъ, какъ выражается онъ (стр. 478—479)

Моё мнѣніе опирается на гораздо болѣе твердыя основанія, нежели приписываемыя мнѣ рецензентомъ, и въ частности, выраженія: „построятъ Іерусалимъ великолѣпно“ и домъ Божій—зданіе величественное“, не имѣютъ въ моей аргументаціи того значенія, какое я, по увѣренію рецензента, приписываю имъ.

Но вѣдь я и не задавался цѣлью излагать всѣ хорошія мысли автора, не имѣющія существеннаго значенія для выясненія даннаго вопроса. Что касается второго упрека въ невѣрномъ изложеніи мнѣнія автора, то онъ несправедливъ. Вотъ его собственныя слова (см. изслѣдованіе стр. 618).

Изъ изложенныхъ мѣстъ главы XIII видно, что — подъ будущимъ помилованіемъ разумѣется возвращеніе всѣхъ плѣнныхъ... и построеніе новаго Іерусалима и храма, но не Зоровавелева, при построеніи котораго многіе изъ видѣвшихъ прежній великолѣпный храмъ Соломоновъ громко плакали.... а того, который будетъ построенъ *при всеобщей радости* (*μετὰ χαρᾶς*) и который будетъ существовать вѣчно.

Затѣмъ, приведя 5 стихъ по русской библіи со словами: „и построятъ Іерусалимъ великолѣпно и домъ Божій—зданіе величественное“ авторъ говоритъ (стр. 621).

Изъ сопоставленія этихъ словъ съ первою половиною пятого стиха видно, что въ ней подобно тому, какъ въ предшествующей XIII главѣ, первому или Соломонову храму, которому предстоитъ сожженіе, противопоставляется не жалкій Зоровавелевъ храмъ, но храмъ мессіанскихъ временъ, который называется „не такимъ, какъ прежній“ или „первый“—именно въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ болѣе славнымъ или величественнымъ и будетъ существовать во всѣ роды вѣка или вѣчно. Все это ясно: показываетъ, что писатель книги Товита ничего не зналъ о Зоровавелевѣ храмѣ, что въ его время еще существовалъ Соломоновъ храмъ, и что слѣдовательно разсматриваемая *книга была написана до разрушенія Соломонова храма и до вавилонскаго плѣна.*

Отсюда видно, что главные доводы автора были указаны мною правильно. Изложивъ ихъ, я писалъ въ своемъ отзывѣ.

Нельзя сказать, чтобы приведенное мѣсто говорило много въ пользу мнѣнія проф. Дроздова. Даже если мы признаемъ, что авторъ книги предсказываетъ о вѣчномъ мессіанскомъ царствѣ, все же мы не освобождаемся отъ необходимости подъ возстановленіемъ Іерусалима и построеніемъ храма разумѣть извѣстные историческіе факты, каковыя всегда и служатъ точкою отправленія для мессіанскихъ пророчествъ. Слѣдовательно, составитель книги зналъ о возвращеніи іудеевъ и возстановленіи Іерусалима и храма.

Мысль наша была такова. Еслибы Товитъ предсказывалъ о построеніи Іерусалима и храма невещественныхъ, то и въ такомъ случаѣ точкою отправленія для его мессіанскихъ чаяній должны быть историческіе, хотя тоже въ будущемъ имѣющіе совершиться, моменты, какъ то построение вещественнаго Іерусалима и вещественнаго храма. Иначе не могли бы возникнуть и такіе образы, какъ созданіе Іерусалима и храма, для выраженія мессіанской идеи. Это должно сказать и о мессіанскихъ предсказаніяхъ боговдохновенныхъ пророковъ. Такимъ образомъ и Товитъ, предсказывая созданіе Іерусалима и храма, не могъ не разумѣть подъ ними прежде всего Іерусалимъ и храмъ вещественные. Автору наши разсужденія показались чуть не раціоналистическими. Онъ пишетъ (Стр. 477):

Рецензентъ, хотя и обмолвился фразою: „точкою отправленія для мессіанскихъ пророчествъ *всегда* служатъ историческіе факты“, тѣмъ не менѣ предпочелъ *совсѣмъ* умолчать о вышеприведенной ссылкѣ Товита на пророковъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ бы или отказаться отъ своего мнѣнія, или... прямо стать на раціоналистическую точку зрѣнія, т. е. признать, что всѣ эти пророки описывали подъ видомъ пророчествъ совершившіеся факты.

Дѣшу себя надеждой что самъ профессоръ согласится съ мнѣніемъ, отъ котораго по нему: я долженъ отречься, разъ не желаю объявить себя раціоналистомъ. Какъ видно, у защитника „Свободнаго и научнаго изслѣдованія“ слишкомъ развита подозрительность по части „свободныхъ“ идей.

Утверждая, что Товитъ говоритъ о созданіи Іерусалима и храма только невещественныхъ, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. По нему, какъ мы видѣли, ука-

занія книги на вѣчность, величественность храма и на всеобщую радость при его построении, будучи не примѣнимы къ „жалкому“ храму Зоровавеля, ясно показываютъ, что писатель книги Товита ничего не зналъ о храмѣ Зоровавеля, и слѣд. писалъ книгу до плѣна. Почему же „ясно показываютъ“? Развѣ не могъ въ тѣхъ же чертахъ предсказывать о мессіанскомъ храмѣ Товитъ и по разрушеніи храма Соломонова, какъ и по созданіи храма Зоровавеля? Развѣ мессіанскія предсказанія пророковъ перестали быть вѣрными по разрушеніи Іерусалима? Если составитель книги Товита могъ и послѣ плѣна предсказывать (или повторять предсказанія) о вѣчномъ мессіанскомъ царствѣ подъ видомъ построения вѣчнаго Іерусалима и храма, то доводъ автора въ пользу доплѣннаго происхожденія книги теряетъ всякую силу. Если же не могъ, какъ думаетъ авторъ, то очевидно только потому, что видъ разрушеннаго храма Соломона и „жалкаго“ храма Зоровавеля являлись какъ бы нѣкоторымъ опроверженіемъ мессіанскихъ предсказаній. Очевидно, самъ авторъ ставитъ въ тѣсную связь пророчество о мессіанскомъ храмѣ съ исторіей вещественнаго храма.

Теперь обсудимъ доводъ автора по существу.

Весь ходъ разсужденій автора въ его „Защитѣ“ показываетъ, что онъ выпустилъ изъ рукъ главную нить своихъ мыслей, изложенныхъ имъ въ своемъ изслѣдованіи. Чрезъ анализъ указаній книги Товита относительно храма авторъ опредѣляетъ время написанія ея (стр. 621). Для него это первый и главный доводъ въ пользу доплѣннаго происхожденія книги Товита. Такъ какъ составитель книги Товита говоритъ о храмѣ, что онъ будетъ построенъ 1) *при всеобщей радости*, 2) на вѣчныя времена и 3) не такой, какъ прежній, но зданіе *величественное*, то ясно, что онъ не зналъ храма Зоровавеля. Посмотримъ однако насколько это убѣдительно. Въ XIII, 10 Товитъ приглашаетъ Іерусалимъ славить Господа, чтобы снова сооружена была скинія Его съ радостью (*μετὰ χαρᾶς*). Прибавленіе „всеобщая“ (радость), важное въ виду того, что и при построении храма Зоровавеля была радость, хотя и не всеобщая,—присочинилъ отъ себя авторъ для усиленія своей аргументаціи. Слова „всеобщая“ нѣтъ въ текстѣ. Повторяемъ, что радость была и при построении храма Зоровавеля. Если при основаніи его,

въ то время какъ одни радовались, пѣкоторые плакали отъ огорченія (Ездр. III, 11—12), то по окончаніи храма, по словамъ книги Ездры (VI, 16): „совершили сыны израилевы. священники и левиты и прочіе, возвратившіеся изъ плѣна. освященіе сего дома Божія съ радостью (*ἐν εὐφροσύνῃ*). () томъ, что радость была не всеобщая, въ послѣднемъ случаѣ ничего не сказано. Слѣдовательно и составитель книги Товита могъ сказать вышеприведенныя слова о храмѣ Зоровавеля. Греческія слова *ἐντίμως* и *ἐνδόξως*, прилагаемая къ Іерусалиму и храму, какъ я замѣтилъ въ отзывѣ, не говорятъ о богатствѣ и великолѣпнн ихъ, а указываютъ на то уваженіе, которымъ будутъ пользоваться они. Любопытно, что въ синайскомъ кодексѣ, предпочитаемомъ нашимъ авторомъ другимъ, слова *ἐνδόξως* въ примѣненіи къ храму совсѣмъ нѣтъ. Тамъ просто говорится о построеніи храма. Теперь въ своей „Защитѣ“ авторъ говоритъ, что слова „великолѣпно“—объ Іерусалимѣ и „зданіе величественное“—о храмѣ онъ взялъ изъ синодальнаго русскаго перевода, хотя и сознаетъ, что они не вполнѣ выражаютъ собственнаго значенія греческихъ словъ. Странно, почему именно здѣсь захотѣлъ авторъ воспользоваться синодальнымъ изданіемъ, когда онъ обыкновенно даетъ свой точный переводъ. О неточности синодальнаго перевода онъ заявляетъ въ „Защитѣ“ въ первый разъ. Точно также въ изслѣдованіи—умолчено и о томъ, что словъ „зданіе величественное“ о храмѣ въ синайскомъ кодексѣ нѣтъ. Авторъ пишетъ теперь въ „Защитѣ“ (стр. 479):

Усвояемые мною будущему храму эпитеты „славный“ и „славный и величественный“ не служатъ переводомъ слова *ἐνδοξος* или *ἐνδόξως*, которому, какъ не находящемуся въ синайскомъ текстѣ и въ Vet. Lat., я не придаю значенія, а заимствуются мною изъ контекста рѣчи и изъ противопоставленія Соломонова храма будущему.

Подъ контекстомъ авторъ не могъ конечно разумѣть ничего другого, какъ указанія Товита на то, что многіе народы издалека придуть къ имени Господа (XIII, 11). Это и служить объясненіемъ словъ *ἐντίμως* и *ἐνδόξως*, говорящихъ о будущемъ уваженіи Іерусалима и храма, но не о величественности. Но вотъ что говорится въ Ездр. VI, 21: „ѿли сыны израилевы, возвратившіеся изъ переселенія, и всѣ отдѣ-

лившіеся къ нимъ отъ нечистоты народовъ земли, чтобы прибѣгать къ Господу Богу Израилеву“ (ср. „отдѣлившіеся отъ народовъ иноземныхъ къ закону Божію“, Неем. X, 28; XIII, 3). Какъ видимъ, описывать значеніе храма въ такихъ чертахъ, въ какихъ оно представлено въ книгѣ Товита, могъ и знавшій храмъ Зоровавеля. Наконецъ, вѣчность (какъ знаетъ всякій бібліологъ, библейское выраженіе „во вѣки вѣковъ“ не точно соотвѣтствуетъ нашему понятію вѣчности) могъ приписать небоговдохновенный писатель и храму Зоровавеля, перенеся на него мессіанскія предсказанія, разъ онъ не дожилъ еще до его разрушенія. Надежда автора на вѣчное существованіе Іерусалима и храма, какъ я говорилъ въ отзывѣ, ничего болѣе не доказываетъ, какъ то, что онъ не дожилъ до вторичнаго разрушенія ихъ. Съ другой стороны, выраженіе: „не такой, какъ прежній“ (*οὐχ οἷος ὁ πρότερος*—алекс. и ват. код.), или: „первый“ (*τὸν πρότον*—син. код.), всегда будетъ наводить на мысль, что писатель книги Товита былъ свидѣтелемъ храма Зоровавеля, о которомъ пр. Аггей сказалъ: „слава сего послѣдняго храма будетъ выше, нежели прежняго“ (*πρότον*—II, 9), и съ которымъ сравниваетъ прежній (*πρότος*) храмъ авторъ книги Ездры (III, 12), и что писатель книги Товита можетъ быть воспользовался выраженіемъ означенныхъ книгъ.

„Другое основаніе, говорилъ я въ отзывѣ, въ пользу доплѣннаго происхожденія книги Товита авторъ находитъ въ неупоминаніи ея о смерти Сарры. Насколько слабо это основаніе, ясно само собой“. Авторъ, повидимому согласенъ признать этотъ доводъ слабымъ. Онъ говоритъ:

На неупоминаніе о смерти Сарры я указывалъ лишь, какъ на могущее служить подтвержденіемъ главнаго моего доказательства, а не какъ на „другое основаніе“ въ пользу доплѣннаго происхожденія книги.

„Подтвержденіемъ главнаго доказательства“ можно назвать указанный доводъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы неупоминаніе о смерти Сарры подтверждало бы, что авторъ не зналъ храма Зоровавеля (?). Самъ авторъ нѣсколькими строками ниже говоритъ: „если онъ не указываетъ на смерть Сарры..., то это даетъ основаніе заключать, что книга написана до смерти Сарры (Исслѣд. стр. 622; „Защ.“ стр. 481). Итакъ самъ ав-

торъ называетъ свой доводъ *основаніемъ*. Приведено оно у него послѣ перваго и главнаго „основанія“. Слѣдовательно, я имѣлъ право сказать о немъ: „другое основаніе“.

Особенно, кажется, недоволенъ авторъ моими сужденіями относительно той части его изслѣдованія, которую онъ посвящаетъ критикѣ существующихъ текстовъ книги Товита. Онъ говоритъ, что я не обратилъ вниманія ни на произведенный имъ анализъ текстовъ, ни на выясненную имъ несостоятельность аргументаціи его противниковъ. Упрека этого я не заслужилъ. Я въ достаточной для журнальной статьи мѣрѣ былъ внимателенъ и къ этой части труда автора. Я хорошо знаю, что критико-текстуальная часть изслѣдованія автора есть наиболѣе самостоятельная и новая. Историческая часть слишкомъ часто перетряхивалась, чтобы имѣть большой интересъ для кое что знающаго читателя. Къ тому же меня лично всегда интересовали критическія работы. По этимъ причинамъ я съ охотою ознакомился и постарался дать себѣ отчетъ въ текстуальной работѣ автора. Работа эта ведется у него такимъ образомъ. Сначала онъ разбираетъ распространенное среди западныхъ ученыхъ мнѣніе, по которому текстъ александрійской и ватиканской рукописей—будемъ называть его вслѣдъ за авторомъ текстомъ А,—въ виду его краткости, простоты и цѣльности считается наиболѣе близкимъ къ первоначальному подлиннику, а текстъ синайской рукописи,—будемъ называть его литерой В,—за позднѣйшую передѣлку, составленную съ цѣлью дополнить, пояснить и исправить текстъ А. Анализируя тѣ мѣста изъ книги Товита, на которыя ссылаются ученые, авторъ находитъ въ нихъ основанія для совершенно обратныхъ выводовъ. Напр. въ II, 6 текстъ А свободно цитируетъ слова пр. Амоса, а текстъ В приводитъ цитату буквально. Отсюда ученые заключаютъ, что составитель текста В передѣлалъ цитату подлинника, держась буквы пророчества. Нашъ авторъ рассуждаетъ по этому поводу такимъ образомъ (стр. 96—97):

Почему же первоначальный писатель не могъ приводить слова пророка буквально? Гораздо естественнѣе можно предположить, что позднѣйшій писатель, передѣлывая и выглаживая всю книгу, коснулся своимъ редакторскимъ перомъ также рассматриваемой цитаты и сдѣлалъ въ ней казавшіяся ему

нужными исправленія. И дѣйствительно слѣды работы пере-дѣлывателя мы имѣемъ въ этомъ мѣстѣ текста А на лицо: первыя слова стиха сократилъ, выраженіе *ἐπὶ βασιλῆα*, въ которомъ здѣсь нѣтъ нужды, онъ выбросилъ, а слово *ῥῥαί*, какъ не вполне соответствующее противоположаемому слову *ῥῥῆρος*, замѣнилъ чрезъ болѣе умѣстное *ἐὶς ῥροσίαι*.

Какъ видитъ читатель, критика текста не слишкомъ простая вещь. Если о чемъ такъ о ней, можно сказать: это палка о двухъ концахъ. Вы напр. знаете, что въ древности не любили цитовать съ буквальною точностью и цитовали большею частью по памяти; напротивъ, въ позднѣйшее время стали цитовать съ сохраненіемъ ошибокъ и опечатокъ подлинника. Знаете Вы и то, что повторяющій чужую цитату изъ извѣстнаго ему источника, напр. изъ библіи, старается скорѣе неточную цитату измѣнить въ точную (тутъ есть цѣль), чѣмъ точную превратить въ неточную (здѣсь нѣтъ ея). На основаніи этихъ двухъ соображеній Вы отдаете преимущество древности и первоначальности тексту съ неточной цитатой. Но Вамъ на это скажутъ: почему же не могло быть дѣло иначе? Представьте себѣ, что составитель текста А большой скептикъ; онъ усумнился въ точности выраженія самого пророка и задумалъ исправить его. Ему показалось слово *ῥῥαί* (точно соответствующее греческому и еврейскому тексту книги пророка) не соответствующимъ дальнѣйшему *ῥῥῆρος* и онъ замѣнилъ его болѣе умѣстнымъ(?) *ἐὶς ῥροσίαι*. И возможно. Чего не бываетъ на свѣтѣ? Итакъ доказать здѣсь навѣрняка нельзя. Рѣшающимъ является Ваше критическое чутье, если надѣлили Васъ имъ Господь Богъ.

Выяснивъ подобнымъ вышеприведенному способомъ несостоятельность аргументовъ въ пользу первоначальности текста А, авторъ даетъ почти дословное сравненіе обоихъ текстовъ А и В. При этомъ въ однихъ случаяхъ авторъ просто констатируетъ разницу текстовъ, не входя въ анализъ ея и не указывая первоначальнаго чтенія или по крайней мѣрѣ ничѣмъ не мотивируя свое предпочтеніе одного чтенія передъ другимъ. Онъ просто замѣчаетъ при этомъ, что такое то слово въ А опущено; слова текста В замѣнены такими то словами въ текстѣ А. Въ другихъ случаяхъ, указывая отступленія одного текста отъ другаго, онъ даетъ и

общую характеристику этихъ отступленій (краткость, чистота стиля и др.). Всѣ эти характерныя особенности въ отступленіяхъ обоихъ текстовъ въ концѣ сравненія сведены имъ воедино, представляя собою общую характеристику текстовъ А и В. Онѣ то и служатъ у автора основаніемъ какъ для признанія первоначальности отдѣльныхъ чтеній В, такъ и для вывода о большей близости къ первоначальному оригиналу текста В вообще. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ авторъ аргументируетъ свои мнѣнія не общими соображеніями, а частными, имѣющими отношеніе лишь къ данному случаю. Мы разсмотримъ здѣсь тѣ изъ нихъ, на которыхъ съ особеннымъ торжествомъ останавливается самъ авторъ. Хотя это не особенно удобно для журнальной статьи, однако сдѣлаемъ это, надѣясь на снисходительность г. редактора и удовлетворяя желанію г. профессора, который говоритъ („защита“ стр. 323):

Каждый изслѣдователь долженъ не полагаться на обычное мнѣніе (разумѣются приемы текстуальной критики), а тщательно изслѣдовать, можетъ ли оно быть примѣнимо къ тому или другому изъ разсматриваемыхъ случаевъ, что мною выполнено.

Значительное различіе между текстами А и В наблюдается прежде всего въ I, 6—8. Здѣсь перечисляются приношенія, которыя дѣлалъ Товитъ въ Іерусалимѣ. Въ текстѣ В объ этихъ приношеніяхъ говорится подробно и въ надлежащемъ порядкѣ, съ ссылкой на законъ Моисеевъ; но въ текстѣ А, вслѣдствіе стремленія автора къ сокращенію и непониманія переводимаго текста допущено относительно ихъ нѣсколько ошибокъ и неточностей. Такъ десятина изъ скота и начатки шерсти овецъ въ А соединены неудачно въ десятины произведеній и начатки шерсти; десятина жита и древесныхъ плодовъ названа просто десятиной; десятина бѣдныхъ неправильно превращена въ третью десятину, которой у евреевъ не было; указаніе на законъ Моисеевъ опущено. Такъ думаетъ авторъ (стр. 106 — 107). Относительно этого мѣста слѣдуетъ сказать тоже, что и о цитатѣ изъ пр. Амоса. Точное соотвѣтствіе закону Моисееву съ ссылкой на него скорѣе могло явиться впоследствии съ цѣлью приблизить текстъ книги Товита къ пятокнижію. Какъ самъ Товитъ дѣлалъ приношенія, надо полагать, не подь дик-

товку закона Моисеева, такъ и составитель книги о немъ могъ воспользоваться ходячимъ общимъ перечисленіемъ приношеній. Еслибы текстъ В былъ первоначальнымъ, то у переводчика не было резонно выбрасывать ссылку на законъ Моисеевъ и отдалять текстъ книги отъ текста пято-книжія. Что касается ошибокъ текста А, то онѣ воображаемыя. Сокращеніе и обобщеніе не есть ошибка. *Третья* десятина у евреевъ несомнѣнно была (о ней см. Втор. XIV, 28; XXVI, 12). Она существенно отличается отъ *второй* (Втор. XII, 17 и д.; XIV, 22 и д.): вторая приносилась въ скинии или во храмъ, въ первые два года, и издерживалась приносящимъ при участіи левитовъ; третья сохранялась у себя на дому, въ каждый третій годъ, и тратилась на посѣтителей дома, левитовъ, пришлецовъ, вдовъ и сиротъ.

Въ V, говоритъ авторъ, стихи 7—9. въ которыхъ тексты В и Vet. lat. излагаютъ подробно разговоръ между Товіею, Товитомъ и Рафаиломъ, хотя не чуждый повтореній и многословія, но вполне умѣстный, въ А изложены въ слишкомъ краткой формѣ. Въ А опущены между прочимъ слова Товита, въ которыхъ онъ объясняетъ Рафаилу, для чего и какого спутника онъ ищетъ сыну своему и упоминаніе о платѣ, а равно и слова Рафаила, удостоверяющія, что онъ можетъ быть вполне надежнымъ спутникомъ Товіи. Вслѣдствіе этого пропуска слѣдующій затѣмъ разговоръ Товита съ Рафаиломъ (ст. 10—15) является въ текстѣ А неестественнымъ.

Менѣе удачнаго примѣра въ доказательство своего мнѣнія авторъ не могъ бы привести. Гдѣ именно находить онъ неестественность въ текстѣ А, онъ не разъясняетъ, и если читатель дастъ себѣ трудъ прочесть въ пятой главѣ ст. 7—15 по русской библіи (въ ней переводъ сдѣланъ по тексту А), то онъ убѣдится въ связности, естественности и цѣльности описанія. Напротивъ въ В почти все или излишне или неправдоподобно. Товиту незачѣмъ было объяснять Рафаилу, для чего нуженъ спутникъ его сыну; Рафаилъ не имѣлъ нужды говорить о своей надежности, такъ какъ то и другое выяснилось еще ранѣе въ бесѣдѣ Товіи съ Рафаиломъ, переданной Товиту. Разговоръ о платѣ по тексту В повторяется у Товита (ст. 15). Прочіе же излишки въ текстѣ В (о нихъ умалчиваетъ авторъ) неправдоподобны. На привѣтствіе Рафаила (радуйся!), Товитъ жалуется на

свою слѣпоту. Рафаиль говоритъ ему на это: „мужайся, близко отъ Бога исцѣленіе твое“. Товитъ на это ничего не отвѣтилъ. Странно звучить въ устахъ неизвѣстнаго юноши это: „мужайся, близко исцѣленіе твое“. Очевидно составитель текста забѣжалъ впередъ и внесъ неестественность въ повѣствованіе.

Съ критическими разсужденіями автора относительно VI, 14 (*φιλεῖ ἀντήν*) мы уже ознакомились.

Характерное для А отступленіе авторъ находитъ въ 9 главѣ. По нему, ст. 5—6, представляющіе въ В и другихъ текстахъ не мало подробностей, не прибавляющихъ ничего новаго къ содержанію, изложены въ А чрезвычайно сжато, причемъ допущено одно очень неудачное измѣненіе, а именно: въ А поставлено: *καὶ εὐλόγησεν Товίας τὴν γυναῖκα αὐτοῦ*. Слова эти, подавшія поводъ къ разнообразнымъ толкованіямъ и никѣмъ не объясненныя удовлетворительнымъ образомъ до послѣдняго времени, находятъ полное объясненіе въ В и въ другихъ текстахъ, въ * которыхъ говорится, что Гаваиль (а не Товія) благословилъ Бога и призвалъ благословеніе Божіе на Товію и жену его или благословилъ ихъ.

Не могу признать приведенный анализъ автора тщательнымъ и убѣдительнымъ. Авторъ по обычаю своему руководиться общимъ соображеніемъ, въ какомъ текстѣ находится наиболѣе понятное, невызывающее недоумѣній чтеніе, вмѣсто того, чтобы обращать главное вниманіе на тщательное объясненіе происхожденія одного чтенія изъ другого. Благодаря этому онъ большею частью рѣшаетъ не вопросъ, какое чтеніе первоначальное, а какое чтеніе лучше. Въ разбираемомъ мѣстѣ вмѣсто для насъ несовсѣмъ удобнаго выраженія А „и благословилъ Товія жену свою“ въ В находится многословное благословеніе, обращенное къ Товіи и женѣ его. Но лица благословляющаго здѣсь не указано. Въ предшествующихъ словахъ сказано о приходѣ на бракъ Гавайла и Рафаила. При глаголѣ же „благословилъ“, поставленномъ въ единств. числѣ, субъектъ не указанъ. Сомнительно, чтобы въ первоначальномъ текстѣ была допущена такая неопредѣленность. Напротивъ она очень обычна въ глоссахъ. Какъ же явилось чтеніе „и благословилъ Товія жену свою“? Думаютъ, что сначала въ А стояло: „и благословилъ Товію и жену его“ (въ В читается иначе). Если это такъ, то здѣсь

мы имѣемъ дѣло съ ненамѣренной ошибкой переписчика, нисколько не говорящей противъ первоначальности текста и перевода А. Въ В подобныхъ описокъ еще болѣе. Но что за цѣль у корректора была вмѣсто: „благословилъ Гаваилъ Товію“, сознательно поставить нѣсколько странно звучащее: „благословилъ Товія жену свою“? Если это выраженіе для современныхъ переводчику читателей не заключало ничего страннаго, то оно могло стоять, значить, и въ подлинникѣ. Если оно было странно, то это лучше насъ знать переводчикъ и конечно сознательно не употребилъ бы его замѣнъ естественнаго оборота рѣчи. Въ подлинникѣ могло стоять слово, означающее: полюбилъ, почувствовалъ расположеніе и под. Какъ не безызвѣстно, вѣроятно, автору, въ нѣкоторыхъ кодексахъ вмѣсто *ἠλόγησεν* стоитъ *ἠδδόχησεν* (благоволилъ). Не явилось ли первое ошибочно вмѣсто весьма похожаго второго? Во всякомъ случаѣ анализъ автора далеко не убѣждаетъ въ томъ, что чтеніе А есть сознательная, но неудачная поправка первоначальнаго чтенія, находящагося въ В.

Относительно XIV, 15, гдѣ говорится о плѣненіи Ниневіи по тексту В Ахіахаромъ, а по тексту А Навуходоносоромъ и Ассуромъ, авторъ говоритъ (стр. 155):

Здѣсь имя Ахіазара или Ахикара, неоднократно встрѣчающееся въ предшествующихъ главахъ и даже строкахъ, явилось, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе смѣшенія съ сходнымъ по начертанію и произношенію, но неизвѣстнымъ переписчику или справщику именемъ Клаксара. Въ А оно замѣнено именемъ сдѣлавшагося со времени Вавилонскаго плѣна извѣстнымъ каждому еврею завоевателя Навуходоносора; названіе страны *Ἀδουρίας* превращено, чрезъ незначительное измѣненіе, въ имя личности.

По поводу этихъ размышленій я позволилъ себѣ сказать въ отзывѣ, что авторъ не приводитъ въ пользу замѣны одного имени другимъ никакихъ доказательствъ (стр. 159). Въ своей „Защитѣ“ авторъ выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ я могъ счесть бездоказательными „всѣ его доказательства, основывающіяся на подробномъ разсмотрѣніи историческихъ свидѣтельствъ и анализѣ текстовъ“ (стр. 472). Вполнѣ понимаемъ недоумѣніе автора. Для него сходство именъ конечно должно быть недопускающимъ сомнѣнія до-

казательствомъ дѣйствительности замѣны одного имени другимъ, и во всякомъ случаѣ болѣе сильнымъ, чѣмъ какими пользовался авторъ до сихъ поръ. Но что дѣлать, если это доказательство не кажется мнѣ таковымъ! Что имя Ахикара взято изъ предшествующихъ стиховъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно. Но что оно явилось вмѣсто имени Кіаксара (какого не сохранила намъ ни одна изъ существующихъ рукописей книги Товита), то это доказать однимъ сходствомъ имени (хотя бы даже дѣйствительно Кіаксаръ плѣнилъ Ниневію) нельзя. Указаніе на сходство не есть еще доказательство. Это имя могло явиться и вмѣсто несходнаго съ нимъ имени, разъ оно встрѣчается въ предшествующихъ строкахъ, или вмѣсто сходнаго, но другого. Я имѣю въ виду слѣдующее. Греч. *Ἀσβήρος*, стоящее въ текстѣ А (въ алекс. код. *Ἀσβήρος*), звучащее какъ *Асверосъ*, соотвѣтствуетъ евр. *Ahasveros* (*אֲחַשְׁוֵרוֹס*). Это собственное имя царя не одинъ разъ встрѣчается въ библіи (Езд. IV, 6; Дан. IX; Есѣ. I, 1 и д.). Какихъ царей слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ именемъ, до сихъ поръ въ наукѣ окончательно не установлено. Считать правильную греческую транскрипцію еврейскаго имени, усвояемаго библіей нѣсколькимъ царямъ, за простую опіску вмѣсто названія страны слишкомъ смѣло, не сказать болѣе.

Теперь обратимся къ исторіи. Хотя авторъ и говоритъ, что онъ доказалъ, что Ниневія была взята и разрушена *только однимъ* Кіаксаромъ, царемъ Мидійскимъ („Защита“ стр. 471), но зная цѣну доказательствъ автора, мы попросимъ читателя самостоятельно оцѣнить слѣдующія историческія сообщенія, касающіяся судьбы Ниневіи. Геродотъ говоритъ: „Кіаксаръ и мидяне взяли Ниневію (какъ они взяли ея, расскажу въ другой исторіи) и подчинили себѣ ассиріянъ, за исключеніемъ вавилонской области“. Абиденъ сообщаетъ, что ассирійскій царь Саракъ послалъ въ Вавилонъ Бусалосора (вѣроятно Набополассара). Послѣдній, замысливъ возстаніе, помолвилъ дочь Астіага, правителя мидійскаго, съ своимъ сыномъ Набукодроссоромъ (Навуходоносоромъ) и сдѣлалъ нападеніе на Ниневію. Полигисторъ рассказываетъ, что Саракъ послалъ Набополассара въ Вавилонъ; но этотъ, отправивъ вспомогательное войско къ Астіагу (или Асдагаку), правителю мидійскому, взялъ дочь его для сына своего Навуходоносора и пошелъ на Ниневію. Ктесія говоритъ, что

вождь вавилонскаго царя—Белезь (=Набополассарь) и вождь царя ассирійскаго Арбакъ (=Астиагъ) возмутили вавилонянь и мидянь противъ Сарданапала. Непріатели овладѣли Ниневію. Арбакъ былъ провозглашенъ царемъ, а Белезу была предоставлена власть надъ Вавилономъ. Такъ „владычество Ассиріянъ было уничтожено мидянами“. Наконецъ, въ новооткрытой надписи Набонида, царя вавилонскаго, говорится, что „Онъ (богъ Мардукъ) даровалъ ему (Набополассару) помощь царя Манды (мидянь). Царь Манды помогаль Вавилону, расхищаль, разрушилъ святилища всѣхъ боговъ Сури (Ассиріи)“. Въ этихъ словахъ по признанію самого автора содержится указаніе на разрушеніе Ниневіи. Безъ насилія надъ приведенными свидѣтельствами можно придти къ тому лишь выводу, что въ уничтоженіи ассирійскаго царства и разрушеніи Ниневіи принимали участіе какъ мидяне, такъ и вавилоняне, но не исключительно мидяне. Въ историческихъ свидѣтельствахъ дается ясный намекъ и на то, что Навуходносоръ игралъ при этомъ политическую роль въ качествѣ принца—наслѣдника. Есть ли послѣ этого основаніе думать, что имена двухъ царей и между прочимъ имя Навуходносора въ сообщеніи объ уничтоженіи Ниневіи явились по ошибкѣ? Думаю, что авторъ, сказавъ, что имя Ахиахаръ *безъ сомнѣнія* явилось вмѣсто сходнаго съ нимъ Кіаксаръ, а имя Ассуръ вмѣсто „Ассиріи“, слишкомъ понадѣялся на свои умозаключенія. Не менѣе, а можетъ быть болѣе—предоставляю судить читателю—правдоподобно предположеніе, что въ первоначальномъ текстѣ стояли два имени: Навуходносоръ и Агасверось (Асверось). Но въ послѣдствіи вмѣсто *Ἀσβήρος* явилось похожее и нѣсколькими строками выше встрѣчающееся *Ἀχιαχίρος*; имя же Навуходносора по ошибкѣ совсѣмъ пропущено. Но въ той же синайской рукописи другой рукой восстановлено и полное чтеніе: *Ναβουχοδονοσορ καὶ Ἀσβήρος*.

Просимъ читателя не забывать, что разобранные нами примѣры приведены не нами въ пользу первоначальности текста А, но авторомъ въ доказательство древности или близости къ первоначальному подлиннику текста В. Мы нарочно выбрали такіе, въ которыхъ авторъ съ особенною подробностью аргументируетъ свое мнѣніе и высказывается съ полною рѣшительностью. Еще разъ позволимъ себѣ выра-

зять сомнѣвіе въ томъ, что автору удалось доказать относительную первоначальность текста В.

Какъ я уже замѣтилъ, частныя соображенія при анализѣ текстуальныхъ различій авторомъ приводятся сравнительно рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивается указаніемъ вообще характерныхъ особенностей текстовъ (растянутость и краткость, литературный и грубый стиль и т. д.) и на основаніи ихъ приходитъ къ выводу о непервоначальности текста А, имѣвшаго цѣлью исправить оригинальный текстъ лежащій въ основѣ В. ¹⁾ Насколько научны употребленные здѣсь приемы автора я далъ довольно подробный отчетъ въ своемъ отзывѣ. Здѣсь я лишь вкратцѣ напомнимъ сказанное мною. Растянутость, подробности, ничего новаго не сообщающія, повторенія и тождесловія, свойственныя синайскому тексту и служащія для автора доказательствомъ его первоначальности, служатъ обыкновенно признакомъ не древности и первоначальности перевода или оригинальнаго текста ²⁾, а его позднѣйшаго происхожденія, являясь слѣдствіемъ позднѣйшихъ наслоеній, имѣющихъ свой источникъ въ устныхъ преданіяхъ, перифразахъ, толкованіяхъ и вторичныхъ переводахъ. Фактъ, что въ текстѣ А отсутствуетъ то, что можетъ показаться сомнительнымъ маловѣроятнымъ и несогласнымъ съ Св. Писаніемъ самъ по себѣ не можетъ еще говорить за позднѣйшее происхожденіе этого текста. Едва ли не чаще всѣ плюсы съ характеромъ маловѣроятнымъ являются плодомъ наслоеній времени, а минусы такого рода напротивъ признакомъ древности и первоначальности. Свойственное тексту А отсутствіе точныхъ хронологическихъ, топографическихъ и др. указаній трудно объяснить изъ стремленія переводчика выпу-

¹⁾ Авторъ въ своей „Защитѣ“ говоритъ, что онъ опредѣляетъ не древность перевода, а близость его къ первоначальному тексту (стр. 320), но и я говоря о древности и первоначальности текста А и В, разумѣю не самые рукописи, а положенный въ основу ихъ текстъ, оригинальный или переводный—все равно.

²⁾ Говоря въ отзывѣ, что по мнѣнію автора текстъ А имѣлъ цѣлью исправить текстъ Синайской рукописи, я имѣлъ въ виду не самую рукопись и даже не переводъ, а лежащій въ основѣ ея текстъ. Поэтому напрасно авторъ упрекаетъ меня въ невѣрномъ изложеніи его взглядовъ (стр. 321).

скать излишнія подробности; скорѣе позднѣйшій переводчикъ или корректоръ могъ пополнить текстъ новыми хронологическими и др. указаніями на основаніи преданія и личныхъ догадокъ и сближеній. Наконецъ обиліе семитическихъ конструкцій служитъ признакомъ позднѣйшаго перевода (сдѣланнаго слѣдовательно съ позднѣйшаго оригинала); напр. чисто-греческій стиль признакомъ древности перевода (слѣдовательно сдѣланнаго съ болѣе древняго оригинала). Всѣ эти соображенія приводятъ къ выводу противоположному взглядамъ автора. Они не опровергнуты авторомъ и опровергнуть ихъ нельзя. Они говорятъ сами за себя.

Снова пересмотрѣвъ текстуальную работу проф. Дроздова, я не пересталъ думать, что онъ не владѣетъ секретомъ текстуальной критики. Въ одномъ мѣстѣ своей „Защиты“ авторъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ я могъ упрекнуть его „въ недостаткѣ научнаго критицизма“, когда все его изслѣдованіе ведется критическимъ путемъ (стр. 482—483), но авторъ знаетъ конечно, что не одно и тоже критиковать и быть критичнымъ.

В. Мышцынъ.
